

Необычная судьба монитора «Стрелец»

Леонид Амирханов

Фотографии из фондов РГАВМФ

У причала Морского завода в Кронштадте стоит необычное судно: металлический корпус с огромными заклепками и большая непропорциональная надстройка. Это действующая рейдовая плавучая мастерская ПМ-8 отряда судов обеспечения Ленинградской военно-морской базы Балтийского флота, а ее корпус — бывший монитор «Стрелец». В первой половине 60-х гг. XIX в. таких мониторов петербургские заводы построили десять единиц.

Подавление русскими войсками польского восстания в 1863 г. вызвало негативную реакцию в Великобритании. Возникла реальная опасность появления на Балтике британского флота, и для усиления обороны Кронштадта среди других мер началось строительство мониторов. В качестве прототипа был взят североамериканский броненосный корабль «Монитор», показавший незаурядные качества в бою с броненосным кораблем южан «Мерримак» в 1862 г. во время Гражданской войны Севера и Юга Америки. Название «Монитор» очень быстро стало нарицательным для нового класса кораблей береговой обороны.

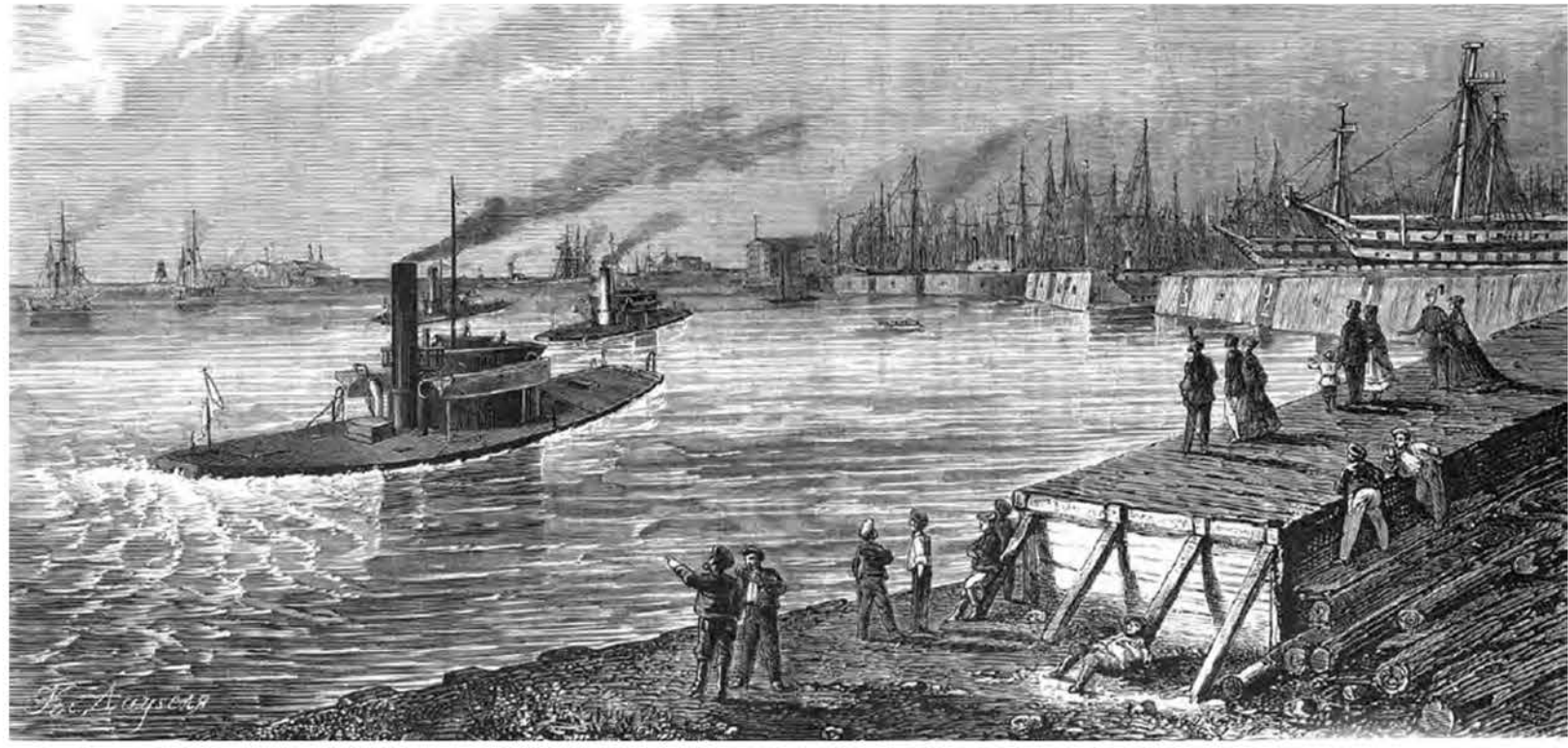
Инженер-подполковник Н. А. Арцеулов на основе чертежей американского монитора «Пассэк», который являлся развитием идей, заложенных в «Мониторе», разработал проект монитора применительно к возможностям русских заводов. И 24 апреля 1863 г. последовало «Высочайшее

соизволение приступить» к постройке восьми единиц. Решение о строительстве еще двух было принято чуть позднее.

Два монитора, «Ураган» и «Тифон», строила казенная верфь Нового Адмиралтейства (машины и башенные установки — Ижорский завод), остальные — частные заводы «с подряда».

«Броненосец» и «Латник» полностью изготовили на Балтийском литейном, механическом и судостроительном заводе, владельцами которого тогда были петербургский купец 1-й гильдии Матвей Карр и английский подданный Марк Макферсон. «Лава» и «Перун» — Невский кораблестроительный завод, принадлежавший полковнику П. Ф. Семянникову и отставному подполковнику В. А. Полетике.

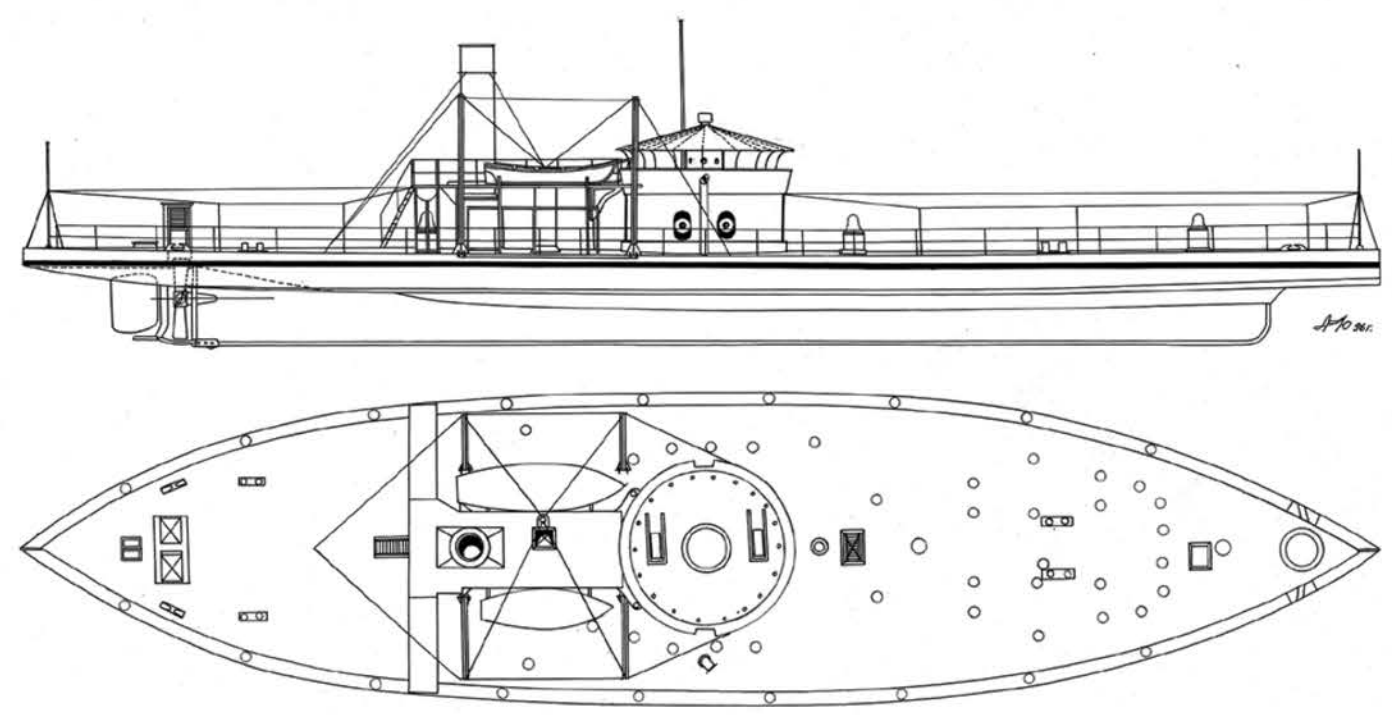
Мониторы «Вещун» и «Колдун» заказали бельгийскому обществу «Кокериль», имевшему представительство в Петербурге. Эти мониторы по частям были сделаны в Бельгии, а собирали их в Петербурге на Гутуевском о-ве.

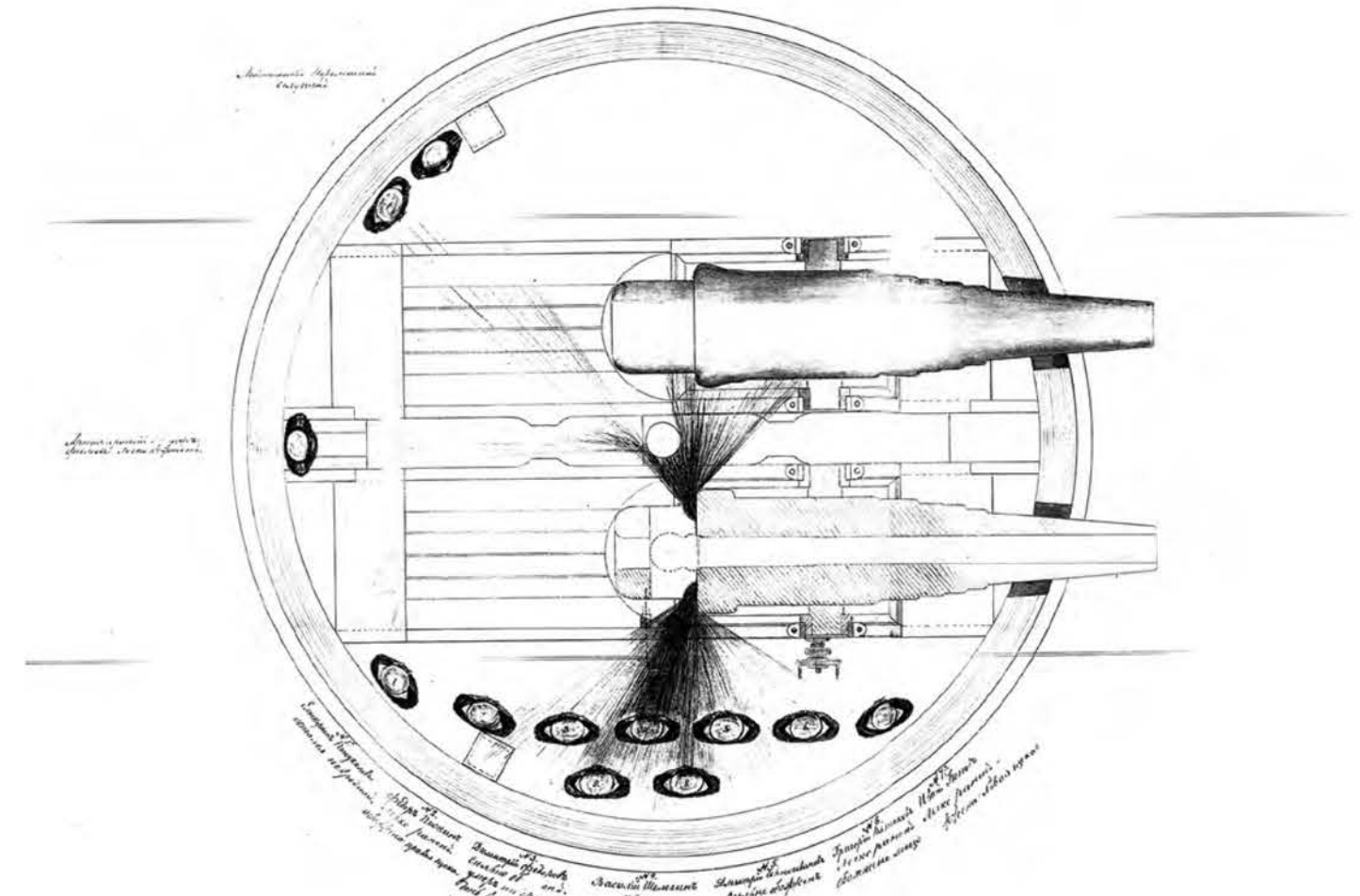
Выход мониторов из Кронштадта 1 июня 1869 г. Гравюра Даугеля по рисунку А. Беггрова

«Стрелец» и «Единорог» с машинами и башнями завода Ч. Берда заложили 1 июля 1963 г. на Галерном островке по договору с известным предпринимателем, коммерции советником С. Г. Кудрявцевым (1825–1865). Об этом человеке надо сказать несколько слов. Для Сергея Галактионовича интересы страны всегда стояли выше собственных, поэтому он иногда принимался за рискованные предприятия. Это он в годы Крымской войны (1853–1856) много сил и средств вложил в обеспечение обороны Кронштадта. Вместе с Н. И. Путиловым

и П. А. Обуховым он участвовал в создании знаменитого Обуховского завода. Строительство мониторов было одной из серьезных проблем, успешно решенных С. Г. Кудрявцевым. В РГАВМФ сохранились его «рописки»:
 6 мая 1863. «Росписка»
 «Если на предложение Департамента об отдаче мне постройки на Галерном островке корпусов двух железных однобашенных броненосных судов... последует разрешение высшего начальства, то я обязываюсь:

Чертеж монитора. Рис. М. А. Богданова

Прорыв газов на мониторе «Стрелец» 10 августа 1876 г. Из фондов РГАВМФ

1. Ныне же приступить к заготовлению и доставке на островок всех необходимых материалов.
2. По мере определения главнейших данных для предназначенных устройств немедленно, по даче мне наряда приступить к тем приготовительным работам, кои будут возможно проводить до утверждения проектов.
3. По составлении и утверждении проектов приступить безотлагательно к самим работам, чтобы устройство эллинга, мастерских и пр. приспособлений привести к окончанию 1 августа с.г., дабы тогда же можно было приступить к постройке самих судов».

В тот же день Кудрявцев обратился в Контору Санкт-Петербургского порта за разрешением построить деревянную кузницу на Галерном островке для «безотлагательного приступления к предназначенным вновь работам». При этом он обещал вечно за пожарную безопасность, кузницы, где «все время будет наблюдаема мною всякая предосторожность от пожара, для чего обязуюсь каждодневно обливать водою как внутри, так и снаружи кузницу своими людьми».

Кудрявцев всегда отличался исключительной порядочностью, поэтому его покорила фраза в проекте контракта на постройку «Стрельца» о том, что «подрядчик работает на казенном топливе, дабы под видом подрядческого угля не был расходуем казенный уголь, склады коего весьма близки к месту работы». Изучив проект контракта, Кудрявцев заявил, что «не предполагая этого, закупил топливо, на котором и производится работа». И ему великодушно

разрешили использовать свое топливо, так как «закуплено» было с большим запасом.

Свои имена, указанные выше, мониторы получили 26 августа 1863 г. В этот день «Государь император Высочайше повелеть изволил» именовать строящиеся броненосные башенные лодки.

Выполненные по одному проекту мониторы отличались друг от друга в мелочах. Так, водоизмещение варьировалось от 1500 до 1600 т, длина составляла около 61 м. Внешний вид их был весьма необычен: высота надводного борта — всего около полуметра, а на палубе располагалась башенная установка. Это было новое слово в корабельной артиллерии. Башня позволяла защитить орудийную прислугу и сделать возможным круговой обстрел. Она вращалась посредством паровой машины вокруг неподвижной центральной колонны (оси) из кованого железа, установленной в степсе на кильсонах.

Главной особенностью русских мониторов было наличие рулевой рубки, которая располагалась на башне, но при ее поворотах оставалась на месте. Позднее рулевые рубки демонтировали.

В башенных установках было по два орудия, которые меняли несколько раз. На «Стрельце» сначала стояли 381-мм американские, в 1872 г. их заменили 229-мм крупновскими; в 1876-м вместо них установили 229-мм Обуховского завода. Окончательно в 1878 г. разместили 229-мм крупновские «длинные» орудия.

«Стрелец» спустили на воду 21 мая 1864 г., а в строй он встал 15 июля 1865 г. Его экипаж состоял из десяти офицеров и 100 матросов, а первым командиром был князь Михаил Ухтомский 1-й.

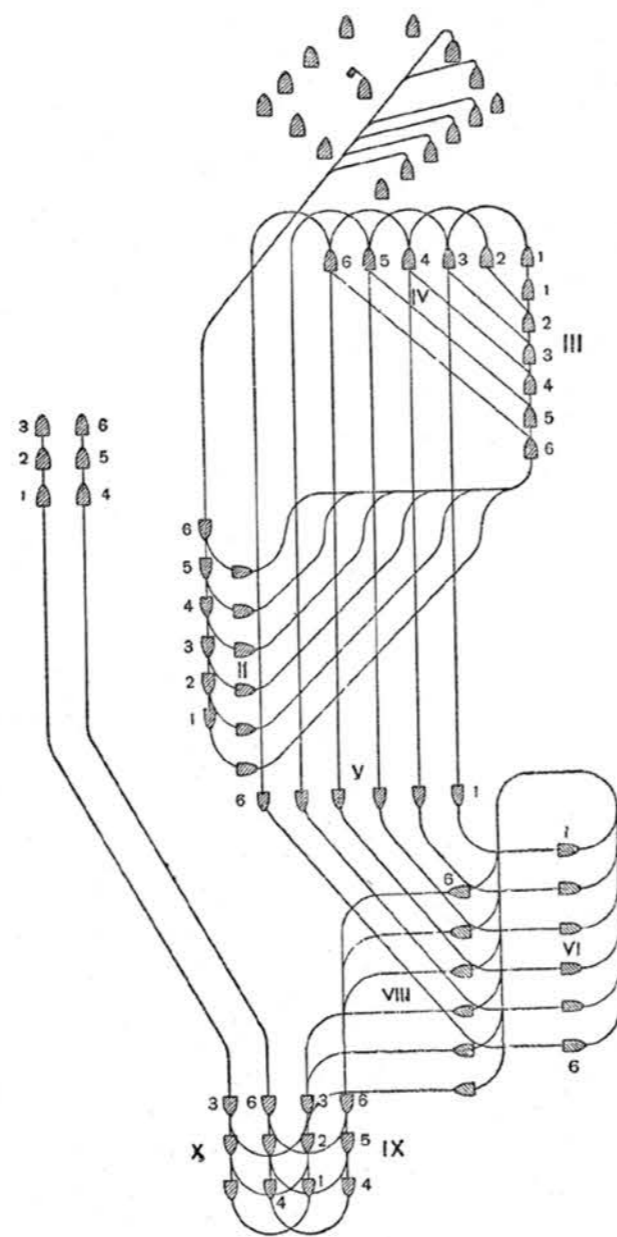
Все мониторы вошли в состав первой броненосной эскадры Балтийского флота, которой командовал известный флотоводец контр-адмирал Г. И. Бутаков. Первые русские мониторы не участвовали в боевых действиях, но их служба имела огромное значение для развития тактики эскадренного боя. И главное — это был один из первых опытов броненосного судостроения в России.

Г. И. Бутаков справедливо считал, что паровой флот должен иметь совершенно новую, в корне отличную от парусного флота, тактику, опирающуюся на высокие маневренные качества паровых кораблей, движение которых не зависит от направления и силы ветра. Значит, соединение паровых кораблей должно маневрировать в бою по новым правилам, отличным от правил маневрирования парусных судов.

Кроме того, в эпоху парусного флота для приобретения опыта управления кораблем нужно было как можно больше практиковаться в плаваниях. С появлением парового флота потребовалась новая система подготовки. Еще до выхода в море личный состав должен быть готов к обслуживанию сложных паровых и гидравлических механизмов, к стрельбе из новых пушек. Отработка этих навыков проходила в условиях стоянки корабля на якоре. Затем шла подготовка одиночного корабля на ходу — сначала на рейде, потом в море. И только потом начинался самый сложный этап — совместное плавание в составе отряда или эскадры. И Бутакову предстояло в течение летней кампании подготовить эскадру к решению боевых задач.

Как правило, тренировались на Транзундском рейде. Так, 7 августа 1870 г., снявшись с якоря, мониторы построились в строй кильватера в следующем порядке: «Тифон» (№ 1), «Перун» (№ 2), «Ураган» (№ 3), «Колдун» (№ 4), «Стрелец» (№ 5), «Вещун» (№ 6) — и отправились на юг. Вскоре на флагманском корабле взвился сигнал: «Повернуть всем вдруг влево на восемь румбов». Со спуском сигнала все шесть мониторов начали склоняться влево, описывая совершенно одинаковую циркуляцию, и через несколько минут отряд уже шел курсом 90° строем фронта, идеально держа равнение и дистанцию между мателотами.

Убедившись в том, что маневр выполнен точно, Бутаков приказал поднять следующий сигнал, требующий более сложного перестроения: «Зайти правым флангом вперед на восемь румбов и вступить в кильватер адмиралу». Едва сигнал был спущен, «Тифон», развив самый полный ход, начал маневр захождения на курс 0°. Остальные корабли по порядку номеров, уменьшая скорость согласно таблицам маневрирования, начали вступать ему в кильватер. Через

Эволюции мониторов на Транзундском рейде
7 августа 1870 г. Из фондов РГАВМФ

некоторое время, построившись в кильватерную колонну и выровняв скорость хода, мониторы шли курсом 0°.

Затем последовал новый сигнал: «Построиться в строй фронта влево, головной на месте». При выполнении этого маневра «Тифон» уменьшил ход до самого малого. Остальные мониторы стали выходить влево от него, причем «Вещуну» как концевому пришлось развить самый полный ход. И вот отряд в строю фронта влево продолжил движение на север, приближаясь к якорной стоянке. Но в это время на мачте флагмана поднялся следующий сигнал: «Повернуть всем вдруг влево на 16 румбов». Словно единое целое, весь отряд одновременно начал поворот на обратный курс.

И подобные учения Г. И. Бутаков проводил неоднократно, прежде чем броненосная эскадра стала «стройной силой».

Однако не все бывало так гладко. 10 августа 1876 г. на мониторе «Стрелец» проводились очередные стрельбы. На пятом выстреле из правой 9-дм пушки произошел прорыв пороховых газов через клиновое отверстие орудийного замка. Один из матросов, 4-й номер орудийной прислуги Василий Шелепин, был убит на месте. 3-й номер, Дмитрий

Федоров, умер на следующий день в госпитале. Остальные находящиеся в башне получили ожоги разной степени. Воздействие газов было настолько сильным, что ими подняли крышу рулевой рубки.

Причиной прорыва газов оказалось выпавшее при зарядании камерное кольцо, называемое еще кольцом Бродвеля. Оно обеспечивало герметичное запираение камеры — части канала ствола, в которое вставляется снаряд. Кольцо устанавливалось в специальное гнездо и при выстреле прижималось пороховыми газами к стенкам гнезда. Это достигалось «конструктивными особенностями кольца и его точной пришлифовкой».

Специальная комиссия с помощью нескольких опытов выяснила следующее. После четвертого выстрела кольцо было сдвинуто банником или приборником. Затем при вдвижении клина кольцо выпало из клинового отверстия и упало под орудийный станок. Из-за шума вентилятора стука от падения кольца никто не услышал. Надо сказать, что до введения бездымного пороха процесс зарядания представлял собой весьма сложную процедуру. Обязательным было банение канала ствола банником для удаления остатков сгорания пороха. Боеприпасы же в канал ствола продвигались вручную с помощью так называемого приборника. Работа комиссии позволила артиллерийскому отделу Морского технического комитета принять ряд мер для устранения возможности выпадения кольца Бродвеля при зарядании.

В 1892 г. мониторы были переквалифицированы в ряд броненосцев береговой обороны, и в конце XIX в.

на «Стрельце» служил судовой врач 3-го Флотского экипажа Степан Гумилев — отец знаменитого поэта. В начале XX в. мониторы стали выводить из состава действующего флота. В фондах РГАВМФ есть приказ капитана над Кронштадтским портом от 22 февраля 1901 г.: «Приспособляемый с разрешения управляющего морского министерства, исключенный из списков флота монитор «Стрелец» предписываю именовать «Плавучей мастерской Кронштадтского порта № 1» — ПМ-1». На корпусе смонтировали надстройку — мастерскую с необходимым оборудованием. Началась новая служба, в годы Первой мировой (1914–1917) и советско-финляндской (1939–1940) войн мастерская обеспечивала ремонт и базирование кораблей и судов флота.

Особенно тяжелой была служба в годы Великой Отечественной войны. Начальником мастерской тогда был Владимир Александрович Хапаев. Уже будучи в отставке в чине капитана 1-го ранга, он вспоминал: «Мастерская делала большую работу по введению в строй кораблей флота. «Вечером с пробойной — утром в строю» — таков был наш девиз». После войны, пройдя очередное переоборудование, мастерская стала именоваться ПМ-8, но работу свою продолжала исполнять исправно.

Переоборудование в плавмастерскую позволило судну пережить три войны, революцию и дожить до наших дней. Разговоры идут о музее...

Хочется надеяться, что восстановленный «Стрелец» получит такой же статус, как и крейсер «Аврора».

Плавмастерская ПМ-8 на Кронштадтском Морском заводе. 2013 г. Фото Е. Ю. Кобчикова

